

Йен Бэнкс

ОБИТЕЛЬ РАЗУМОВ

Ватуэйль висел вниз головой и вяло размышлял, при каких обстоятельствах это может быть добрым знаком.

Он был в физическом теле — по крайней мере, так ему казалось. Трудно, впрочем, было судить, что это на самом деле такое — базовая Реальность или виртуальность полного сенсорного спектра. Боли он не чувствовал, но кровь, прилившая к голове под воздействием силы тяжести, шумела в ушах, и это совсем сбивало его с толку. Очевидно было одно: он находится в неправильном положении.

Он открыл глаза и встретился взглядом с каким-то летающим существом. Тварь внимательно смотрела ему прямо в зрачки. Она тоже висела вниз головой, но, в отличие от Ватуэйля, не испытывала никаких заметных неудобств. Размером примерно с человека, глаза — большие, умные, ярко-желтые. Судя по выражению удлинённого лица, интеллектом она обделена не была. Тело существа покрывала серо-золотистая шерсть. Тонкие мембраны — вроде бы из той же мягкой шерсти — соединяли каждую из четырех длинных конечностей с туловищем.

Существо открыло рот, полный мелких и очень острых зубов.

— Ты... еСТЬ... Ватчой? — произнесло оно с сильным акцентом.

— Ватуэйль, — поправил он. Попытавшись оглядеться, насколько позволяла поза, он сообразил, что подвешен к ветви высокого раскидистого дерева с синезеленой листвой. Переведя взор дальше, он заметил и другие такие деревья.

Они оказались не столь высоки, как то немыслимо огромное дерево, где он провел немало выходных в прогулках и полете, но все же он не мог разглядеть земли. Ветви и сучья были достаточно прочными и толстыми. Его ноги были туго стянуты чем-то похожим на веревку, а другая веревка, продернутая через этот узел, была привязана к ветке примерно метровой ширины, на которой он, собственно, и висел.

— Ватэй? — переспросило существо.

— Почти верно, — согласился он. Ему захотелось выяснить, что это за тварь и к какому виду принадлежит, но доступа к базам данных у него не было. Казалось, что он просто человек. Кусок мяса, висящий на дереве. И все, чем он способен был распоряжаться здесь, это обрывки давних воспоминаний о жизни за пределами симуляции, чудом пережившие бесчисленные годы и воскрешения, да еще, вероятно, пострадавшие от бесцеремонного вмешательства, которое и послужило причиной его появления тут. Вряд ли им можно было вполне доверять. Он прошел через сотни воплощений во множестве специально сконструированных симов. Большею частью память его была виртуальна, размыта, и изъясняться он мог разве что военными клише.

— Йя Лагоарн-на, — сообщило существо, стукнув себя в грудь.

— А, — сказал Ватуэйль. — Привет. Рад познакомиться.

— И я тоже, — ответило оно, глядя на него немигающими желтыми глазами.

Ватуэйль был слегка дезориентирован. Он тщетно пытался вспомнить, что с ним происходило прежде и каков был последний момент непрерывного со-

знательного существования этой версии. Трудная задача, когда тебя так часто копируют и делают копии с копий.

Кажется, он сидел за столом на каком-то совещании. В компании иномирцев. Это было на корабле? Может, и так. *Корабль.*

А может, это тоже происходило на войне?

... *Туннели, лазы, проходы...*

... *внутренности морского судна...*

... *наземного транспортного аппарата...*

... *дирижабля в форме огромной бомбы, дрейфовавшего в атмосфере газового гиганта...*

Он мог припомнить и то, как его выгружали в небольшой роботанк и какой-то уродливый гибрид ракеты и разведывательного кораблика, и... и... и...

Воспоминания вспыхивали в его мозгу и тут же гасли, возрождая ушедшие мгновения сложного многоуровневого конфликта, в котором он играл не последнюю роль. То была война за Ад.

Последнее его задание отличалось от предшествующих тем, что ему не нужно было бродить по колено в крови и обмениваться залпами с противником. Это была встреча, совещание — в окружении, не представлявшем большой угрозы. Возможно, столь же утомительное задание, как любая боевая операция, но во всяком случае страх не заползал в его кишки. С другой стороны, у него осталось ощущение, будто его каким-то образом... просканировали. Или сканируют прямо сейчас. Все воспоминания, все этапы военной карьеры, все ступени иерархической лестницы, приведшей его к высшим должностям, означавшим тяжкий груз полномочий и ответственности, промелькнули перед его внутренним оком, точно колода карт, перетасованная рукой опытного игрока. Потом он ощутил, как одну из карт — их было, пожалуй, около сотни — резко выдернули.

Встреча. Совещание. На корабле. Множество маленьких иномирцев и один пангуманоид. Крутой мужик. Большая шишка. Он должен был бы вспомнить название его биовида, но не смог.

Встреча проходила в каком-то укромном уголке симулятора...

Нет.

В Реальности.

Он снова был в физическом теле, может, и одноразовом, приспособленном для переработки на вторсырье, но тем не менее — в Реальности. *Ох, ни хрена себе.* Он присутствовал на совещании физически. Как и маленькие смышленные инопланетяне. Как и большая шишка — представитель какой-то панчеловеческой расы. Этот последний глядел исподлобья, и каждое слово из него точно клещами надо было вытягивать. Нет, бесполезно пытаться вспомнить, как называется вид, к которому принадлежал тот чувак. Может, удастся припомнить, как его звали?

Вистер. Пеппра. Что-то вроде. Очень важная персона, представитель тамошней властной верхушки. Круче некуда. Пепрус? Шеприс?

Бесполезно.

Но он помнил, что совещание, вопреки ожиданиям, не вымотало его, хотя встреча оказалась и вправду важной. Напротив, он ощущал тогда нервное возбуждение и прилив бешеной энергии при мысли о том, что считанные минуты назад случилось нечто великое, было принято исключительно важное решение,

очень-очень плохо. Если его вообще не вернули в симулятор, коллеги непременно встревожатся. Если же с него просто сняли копию и даже, быть может, пустили дубликат своей дорогой, никто ничего не заподозрит.

Он попробовал припомнить, по какой технологии работали коммуникационные устройства. Можно ли было счесть их недоступными для взлома? Вряд ли. Сперва эти ребята говорят, что теперь-то уж точно нельзя подслушать сигнал, не обнаружив себя, потом меняют свою точку зрения, и взлом оказывается легкой, даже тривиальной задачей. А потом — снова невыполнимой.

Ладно, все это ерунда. Существенно, что он попал не туда, куда направлялся, и угодил прямо в лапы НР. Ну или только Н — науптрианцам (хотя у него были причины в этом сомневаться). Они подслушивали переговоры по линиям связи ГФКФ, потому что когда-то, давным-давно, сами же осчастливили ГФКФ кодом, используемым по сей день в протоколах передачи данных, или же позволили ГФКФ украсть это программное обеспечение, предварительно внедрив туда бэкдоры и уязвимости.

Не так умны, как они себе воображают.

Гуфф-Фуфф-мать-вашу-Куфф-Фуфф.

Черт, черт, черт.

Он удивлялся, зачем им вообще понадобилось ревоплощать его, будь то в физическом теле или в брэнном симе. Но даже располагая всей нужной информацией об исходниках, бывает подчас нелегко сообразить, какой именно фрагмент кода является ключевым. Ревоплощение здесь весьма полезно. Особенно если то, что ты втихаря выкачал, кажется тебе не более чем странноватым инопланетянином.

А именно таким он им и кажется. Инопланетянином. Чужаком.

— Встречка, — сказала существо по имени Лагоарн-на. На лице его возникло подобие улыбки. — ГФКФ. Пангумманоид Випперц. Планы. Война ззза Послежиззззнь. Цунгдиск? Цунгдиск.

Оно покивало собственным словам.

Черт, ему уже известно больше, чем он предполагал. Откуда они это узнали? Не от него же случаем? А что им еще может понадобиться? Сумки и кисеты, которыми было увешано существо, не были похожи на вместители орудий пытки, но он не мог доверять этим впечатлениям.

Да нет, какие могут быть пытки. Столько с ним провозиться — и ради чего? Ради пыток?

Но мы устроены так, что мучимы болью и боимся страданий, подумал он.

Он сам проходил через боль и подвергал страданиям других.

Только не пытки. Только не боль. Пожалуйста, не надо больше. Только не это.

— Не беспокойся, — сказала существо, сделав широкий жест одной лапой. — Вссее ппуттем. Это одно из трриилллионна твоих площщценний. Квантовая магия, если хочешшь. Кто-нибудь из вассс расскажеттт всю праввду. Почч-чемму бббы и нне ты?

Существо склонило голову набок. Ватуэйль вдруг почувствовал прилив радости и облегчения, сменившийся почти невыносимым наслаждением.

Он понял, что им управляют, манипулируют, но не имел понятия, *как*.

Лагоарн-на не желает ему зла. У них уже есть все данные, какие можно было

из него вытащить. Им нужна правда.

Правда. Так просто.

Просто говори правду, всем и всегда, и жизнь станет легче. Всего лишь *один* набор фактов и утверждений. Внутренняя сила этой правды — правды о правде — потрясла его.

Он ощущал истинное блаженство, сопоставимое с сексуальным экстазом.

— А что ты хочешь узнать? — услышал он собственный мечтательный голос.

— Расскажи про встречу, — сказала существо, скрестило длинные руки с шерстистыми мембранами на груди и поглядело немигающими желтыми глазами ему прямо в душу.

— Хорошо, — услышал он свой голос и поразился: таким расслабленным и безмятежным тот звучал. — Думаю, мне стоит сперва представиться. Меня зовут Ватуэйль, Дьёрни Ватуэйль, и мой ранг — ныне действительный, сколь я могу припомнить, — соответствует космическому маршалу...

Он никогда еще не получал такого наслаждения от беседы с кем бы то ни было. Существо по имени Лагоарн-на очень хорошо умело слушать.

*

Дом имел форму Галактики. Конечно, это был виртуальный дом, но степень его детализации и разнообразие дизайнерских придумок превосходили всякое разумение, и хотя внутренние масштабы, в каких он отвечал реально существующей Галактике, существенно разнились от одной комнаты к другой и от одного момента времени к иному, общий эффект вполне отвечал замыслам существ, вызвавших его к жизни, и окружение, в котором они пребывали, в точности походило на привычное им. По крайней мере, насколько они могли судить. А жили в этом доме Разумы Культуры, искусственные интеллекты высочайшего уровня, которые, пожалуй, могли считаться самыми сложными разумными существами этой цивилизации, если не всей пангалактической метацивилизации.

Дом был построен так, чтобы отмечать местопребывание каждого Разума в реальной Галактике, и Разумы, обосновавшиеся на хабитатах ближе к Ядру, расположились в лукообразном многослойном центре дома, а те корабельные Разумы, что предпочитали странствовать по пустынным окраинам галактических рукавов, обычно появлялись в одном из внешних крыльев дома, часто состоявших всего из одной комнаты. Имелись специальные апартаменты для Разумов, не желавших разглашать своё истинное местонахождение: они населяли специально сооружённые для них под фундаментом основного здания помещения и общались по специальным каналам.

Сам дом был обставлен с поразительной барочной роскошью и пышностью, украшен богатейшими орнаментами. Каждая комната была размером с собор, а деревянные стены её — покрыты искуснейшей резьбой. Там имелись причудливо расписанные ширмы, натёртые до блеска паркетные доски, украшенные полудрагоценными камнями, потолки, декорированные металлическими вставками и отделанные редчайшими минералами. Населяли (обычно полупустой) дом аватары Разумов, которые, естественно, могли принимать форму почти любого известного объекта или живого существа.

Здесь были отменены занудные ограничения трёхмерной перспективы, так что каждая из тысяч комнат просматривалась из всех остальных, если не через рездверные проёмы, то через щели в стенах, экраны или картины, которые

при внимательном рассмотрении предоставляли детальнейший обзор даже самых дальних помещений. Разумы, конечно, воспринимали пребывание в четырёх измерениях как самое что ни на есть обыденное занятие, так что никаких проблем с этими топологическими трюками у них не было. Ловкость рук и никакого волшебства.

Единственным ограничением, пришедшим в Галактический Дом из базовой Реальности, было то досаднейшее обстоятельство, что даже в гиперпространстве свет не может распространяться с бесконечной скоростью. Поэтому для того, чтобы вести обычный разговор с другим Разумом, надо было сперва оказаться с ним в одной комнате или хотя бы на относительно близком расстоянии. Даже двум Разумам, находящимся в одной и той же пустой комнате, здесь было бы тяжело перекидываться друг с другом. Задержка становилась слишком заметной.

На более значительном расстоянии приходилось ограничиваться сообщениями. Они обычно имели форму деликатно поблёскивавших в воздухе перед получателем символов, но это не являлось правилом, поскольку как Разумы в целом, так и конкретные отправители в частности отличались иссушающей воображение изобретательностью и чрезвычайно эксцентричными привычками. Так, не были чем-то необычным стремительные балетные пары, состоявшие из инопланетян-многоножек, чьи пламеневшие, но неопалимые, причудливо искривленные тела на мгновение принимали, например, форму марейнских букв.

До Ватуэйля доходили лишь самые отрывочные слухи об этом месте. Он часто пытался вообразить себе, на что оно в действительности может быть похоже, а теперь просто стоял и глазел вокруг, ошеломлённый, бессильный подобрать слова, какими лишь поэт мог бы описать нечто столь устрашающее — неслыханной, дикой, яростной роскошью и невероятной сложностью. Он принял облик мужчины панчеловеческого типа, высокого и худощавого, облачённого в церемониальную форму маршала космических войск. Он стоял посредине просторной комнаты, напоминавшей изнутри пустынный скалистый пляж, а в целом пропорционально отвечавшей Доплиоидному спиральному фрагменту, и смотрел, как что-то вроде люстры медленно спускается с потолка. Если вглядеться внимательнее, то и весь потолок состоял преимущественно из таких люстр.

Когда нижняя секция люстры поравнялась с его головой, эта штука остановилась, демонстрируя буйство прихотливо закрученных спиралей и штопоров разноцветного стекла.

— Космический маршал Ватуэйль, приветствую вас, — сказала оно. Его голос был мягким и вежливым, вполне подходящим к такому случаю. — Моё имя Заив. Я Разум хабитата, вверенного секции Квиетус. Мои спутники представятся сами.

Ватуэйль обернулся и увидел двух гуманоидов, парящую в воздухе огромную синюю птицу и ещё какое-то существо, больше всего напоминавшее грубо вырезанный и безвкусно размалёванный манекен чревовещателя. Существо восседало на маленьком многоцветном воздушном шаре.

Он даже не заметил их появления.

— Меня зовут *Застывшая Усмешка*, — сообщил сереброкожий гуманоид. Было в облике этого аватара что-то женское. — Я представляю секцию Нумина.

Оно/она кивнуло/кивнула/поклонилось/поклонилась.

— Я — *Очаровашка Со Шрамом*, — сказала синяя птица. — ОО.

— Я — *Сторонник Жестокости Обращения С Животными*, — сказал второй гуманоид, выглядевший худощавым мужчиной. — Я представляю интересы Рестории.

— *Лабтебриколефил*¹, — сказал манекен. Было похоже, что у него какие-то проблемы со звуком "л". — Я гражданское лицо. — Он помедлил и зачем-то добавил: — Экцентрик.

— А это, — сообщила люстра по имени Заив, когда все остальные испытующе воззрились в одну сторону, — *Одетый Для Вечеринки*.

Одетый Для Вечеринки оказался маленьким оранжево-красным облачком, более или менее постоянно парившим над головой синей птицы.

— Одетый Для Вечеринки, — сказала Заив, — находится на неопределённом расстоянии от нас и также не примет активного участия в этом деле. Его вклад в беседу будет спорадическим.

— Более чем вероятно, что скажет он полную чушь, да и то задним числом, — заметила синяя птица, которую звали Очаровашка Со Шрамом. Она воздела гордую голову, украшенную роскошным плюмажем, чтобы посмотреть на оранжево-красное облачко, но никакого видимого отклика не последовало.

— Мы вместе, — сказала Заив, — образуем нечто вроде Комитета Чрезвычайного Реагирования Специальных Агентств, или, во всяком случае, составляем его локальную ячейку. Есть и другие заинтересованные стороны, чья забота о собственной безопасности ничуть не уступает нашей, однако они будут слушать нашу беседу на расстоянии и, возможно, сочтут нужным что-то добавить от себя. Требуется ли вам дополнительные разъяснения касательно наших рангов или иных терминов?

— Нет, спасибо, — ответил Ватуэйль.

— Мы подразумеваем, что вы посланы к нам как представитель высшего стратегического уровня командования Альтруистов по вопросам нынешней битвы за Ад. Так?

— Именно, — подтвердил Ватуэйль.

— Итак, космический маршал Ватуэйль... — протянула синяя птица, лениво помахивая своими короткими крыльями (слишком лениво, чтобы эти движения могли удержать её в воздухе... если бы дело происходило в базовой Реальности). — Вы сообщили, что вопрос, с которым вы сюда прибудете, не терпит отлагательств. Что же вы такое хотите нам сообщить?

— Это касается войны за Преисподнюю, — сказал Ватуэйль.

— Да это как бы самоочевидно, — сказала синяя птица.

Ватуэйль вздохнул.

— Вы наверняка заметили, что Альтруисты проигрывают сражение.

— Разумеется, — сказала птица.

— И мы пытались взломать вычислительные субстраты хозяев Ада.

— И об этом мы тоже догадались, — сказал худощавый мужчина.

— Но эти попытки потерпели неудачу, — продолжил Ватуэйль. — Поэтому мы решили перенести войну в Реальность и построить боевой флот, который бы физически уничтожил столько субстратов Преисподней, сколько удастся.

— Это что же получается — все эти десятилетние договорённости были ни к чему? — проскрежетала синяя птица. — Получается, мы откатились на тот

¹ *Букв.: существо, предпочитающее обитать в дырах (лат.-англ.).*

самый уровень, на котором были в самом начале войны? Когда нам больше ничего в голову не приходило, кроме тех решений, о каких вы только что любезно изволили нам поведать?

— Это... довольно ответственное решение, космический маршал, — заметил манекен. Его челюсти заскрипели, как шарниры.

— Нам было нелегко принять его, — согласился Ватуэйль.

— Думается, вам вообще бы не стоило его принимать, — сказала ему синяя птица.

— Я здесь не для того, чтобы оправдывать в ваших глазах собственные поступки или решения моих друзей или сообщников, — сказал Ватуэйль, — но затем, чтобы...

— ... чтобы впутать нас во всё это? — прервала синяя птица. — Да половина Галактики уверена, что мы стоим за спинами Альтруистов и дёргаем их за ниточки. Вероятно, явившись сюда и удостоившись внимания аудитории, у которой, хочу заметить, полным-полно других неотложных дел, вы думали убедить в этом другую половину?

Над головой птицы оранжево-красное облачко пролилось дождём, но, насколько можно было судить, ни одна капля так и не попала на голову Очаровашки.

— Я здесь, чтобы сообщить вам: Альтруисты пришли к соглашению с ГФКФ и некоторыми элементами Сичультианского Объединения относительно постройки флота из материалов Цунгариальского Диска, и сделано это за спиной НР и её союзников, Флекке и Джульпии. Тем не менее мы получили разведанные о существовании другого соглашения между Сичультией и НР, по которому они — Сичультия — отвергнут сотрудничество с противниками Преисподней и поступят так, как велит им НР, чтобы саботировать постройку любого военного флота. Во всяком случае, НР так считает.

— Сичультия, кажется, так же свободно обращается со своими обязательствами, как вы и ваши друзья — с вашими собственными фанфаронскими планами, — сказала синяя птица, представлявшая ОО.

— Стоит ли быть таким невежливым с нашим гостем? — спросил Очаровашку Со Шрамом сереброкожий аватар. Птица встопорщила перья.

— Да, — сказала она.

— Мы также слышали, — сказал Ватуэйль, — что НР, Культура и ГФКФ в настоящее время уже ввязались в дела Сичультианского Объединения, в особенности те, что касаются Цунгариальского Диска. Учитывая это, мы решили, что полезно будет проинформировать вас — высший уровень — о том, что Сичультия в действительности на стороне тех, кому вы, как любому и так ясно, желаете победы.

— Вам, наверное, тяжело себе представить, как это — держать своё слово при любых обстоятельствах, космический маршал, — участливо сказала синяя птица. — Так почему же вы считаете, что Сичультия более склонна соблюдать соглашение с вами, чем с НР?

— Соглашение, подписанное с НР, по существу ни к чему их не обязывает. Соглашение, подписанное с нами, означает, что они будут вовлечены в заговор, контролируемый внешними силами, разворачивающийся за пределами сичультианской юрисдикции и независимо от первоначальных действий. Это обещает

им суровую кару НР, даже если они вдруг и решат переметнуться на другую сторону, прежде чем их участие в заговоре станет явным. Им нет никакого смысла подписывать такое соглашение, если только они всерьёз не намерены его соблюдать.

— В этом что-то есть, — прозвенел голосок Заив.

— Итак, — сказал худощавый мужеподобный аватар, — нам *ничего* не надо предпринимать, и пусть Сичультия продолжает начатое на Цунгариальском Диске и в пространстве над ним?

— Я не вправе вам что-то указывать, — пожал плечами Ватуэйль. — Я даже не уполномочен делать какие-то предположения. Мы просто подумали, что вам будет полезно узнать, как у нас дела.

— Мы поняли, — сказала Заив.

— А у меня есть свои разведданные, — возвестила синяя птица.

Ватуэйль обернулся и посмотрел ей в глаза.

— Они говорят, что вы предатель, космический маршал Ватуэйль.

Ватуэйль продолжал неотрывно смотреть на птицу, пока та лениво похлопывала крыльями прямо перед ним.

Шедший из оранжево-красного облачка над головой Очаровашки Со Шрамом дождь прекратился. Тогда Ватуэйль обернулся, обращаясь к Заив:

— Мне больше нечего вам сообщить. Если позволите...

— Да-да, — оживилась люстра. — Видите ли, сигнал, доставивший вас сюда, не содержал никаких инструкций на предмет того, что нам делать с копией вашей личности, когда сообщение будет передано. Я думаю, мы все сойдёмся на том, чтобы вернуть вас обратно в симулятор высшего командного уровня, но у вас, похоже, иные предпочтения?

Ватуэйль усмехнулся.

— Сотрите меня, — сказал он. — Так лучше. Чтобы не было потом никаких подозрений в пособничестве Альтруистам.

— Какая любезность с вашей стороны, — заметила сереброкожая женщина. Во всяком случае, Ватуэйлю так послышалось.

— Я не сомневаюсь, что мы можем предоставить вам сколько угодно места в Виртуальной Реальности, — сказала Заив. — Может, вам лучше...

— Нет, спасибо. Мой оригинал прошёл больше виртуальных миров, загрузок и перевоплощений, чем он мог себе изначально представить. Все личности, которые он посылал с заданием, подобным моему, давно свыклись с мыслью об удалении ненужных копий, ведь мы знаем, что оригинал продолжает где-то существовать.

Космический маршал улыбнулся, зная, что выглядит смирившимся с неизбежностью.

— Но даже если это и не так... война была очень долгой. Я так устал. Мы все устали, все мои итерации. Смерть нас больше не пугает. На всех уровнях, знаете ли.

— Тут, — сказала синяя птица, — всё точно так же.

Её голос впервые смягчился.

— Да мне всё равно, — сказал Ватуэйль и оглядел собеседников. — Спасибо за внимание. Прощайте.

Он поднял голову к люстре и кивнул.

И его не стало.

— Ну и? — сказала Заив.

— Как думаете, стоит ли оценить это по номиналу? — спросил сереброкожий аватар.

— Это соответствует тому, что нам уже известно, — сказал деревянный манекен. — И притом лучше, нежели многие симы.

— А стоит ли доверять словам космического маршала? — поинтересовалась Заив.

Птица издала фыркающий звук.

— Этого ветхого бродячего призрака? — сказала она презрительно. — Я его давно знаю. Вряд ли он сам помнит, кто он такой, не говоря уж о том, во что он верит и что обещал намерен.

— Нам не обязательно доверять ему, чтобы использовать предоставленную им информацию в наших расчётах, — сказала сереброкожая женщина.

Худощавый мужчина посмотрел на люстру.

— А вот тебе надо вправить мозги своему невезучему агенту и сказать ей, чтоб перестала тратить время зря и приступила к своим обязанностям — и пускай хоть на этот раз обойдётся без гибели невиновных. Что хотите делайте, но не дайте Ледедже Юбрек убить Вепперса.

Мужчина повернулся к синей птице, у которой над головой парило оранжево-красное облачко.

— Хотя, разумеется, все будет проще, если Особые Обстоятельства просто прикажут *За пределами нормальных моральных ограничений* оставаться в стороне и прекратить все эти жуткие фантазии насчёт галантной викарной мести, или какими там обрядами чёрной магии он сейчас развлекается.

— Да не смотрите на меня так, — сказала Очаровашка Со Шрамом, возмущённо замахав крыльями. — К проделкам этого безродного сторожевика я не имею никакого отношения.

Птица подняла голову и посмотрела на оранжевое облако.

— Слушай, ты, — прокаркала она. — У тебя же были на него выходы. Узнай, что за всесистемник снёс яичко, откуда вылупился этот Мерзавец. Пускай достучится до того, что у этой сумасбродной машины заменяет Разум. Если нужно будет — крупнокалиберной шрапнелью, понял?